
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯПОНИЯ:
культурные традиции
в меняющемся социуме
к 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус
(1914-1984)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

УДК 008+94+821.521+811.521+292/299
ББК 63+70/79+81/83+85+86 (5Япо)

*Рекомендовано к печати
Учёным Советом и Учебно-методической комиссией
Восточного факультета СПбГУ*

Печатается при поддержке

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ:

В.В.Рыбин, Н.А.Самойлов, Е.М.Османов, А.В.Филиппов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Синицын А.Ю. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. филол. наук Давыдов А.В. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

докт. филол. наук Рыбин В.В., докт. ист. наук Самойлов Н.А.,
канд. ист. наук Османов Е.М., докт. ист. наук Филиппов А.В.,
канд. ист. наук Синицын А.Ю., канд. ист. наук Маранджян К.Г.

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: А.В.Филиппов

Печатается в авторской редакции

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ: культурные традиции в меняющемся социуме. Материалы российских и зарубежных исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвящённых 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №5]. – СПб. – Изд-во ЛЕМА, 2014. – 375 с.

Оригинальное научное исследование подготовлено усилиями специалистов-японоведов из научных учреждений России, Украины и Японии. Авторами коллективной монографии являются хорошо известные японоведы и молодые перспективные учёные. Издание приурочено к 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус (1914-1984). Разнообразие направлений и современные достижения весьма рельефно продемонстрированы в предлагаемом вниманию читателя труде.

Проблематика издания отображает и по-своему уникальный срез по тематике спецкурсов, читаемых в высших учебных заведениях Российской Федерации. Диапазон исследований, охватываемых в монографии, представляет как общественные науки (историю, этнографию и культурологию), так и изыскания в филолого-литературной области. Ведомственная принадлежность авторов указана в начале каждой статьи.

Для востоковедов, широкой общественности, интересующихся Японией, её языком и культурой. Монография может быть рекомендована для изучающих соответствующие учебные дисциплины. Материал приводится на русском и японском языках.

ISBN 978-5-98709-790-8

© Авторский коллектив, 2014
© Восточный факультет СПбГУ, 2014
Все права защищены

КИКНАДЗЕ Диана, ИВР РАН
(Институт Восточных Рукописей РАН)

БУДДИЗМ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН
(По материалам сборника сэцува
«Удзи сюи моногатари», XIII в.)

Эпоха Хэйан оставила нам прекрасное литературное наследие в виде личных дневников придворных дам, на страницах которых героини живо и ярко описывали повседневную жизнь двора, свои наблюдения за окружающим миром и людьми, а также собственные переживания. Однако наряду с изящной литературой аристократов существовала повествовательная литература жанра *сэцува*, которая представляла собой короткие рассказы на буддийские и мирские сюжеты. Несмотря на то, что язык коротких рассказов *сэцува*, как отмечает В.Н.Горегляд «начисто лишен изящества языка придворных дам и кавалеров, нередко грубые обороты простонародной речи»¹, эти сборники пользовались большой популярностью среди всех слоев населения столицы.

В дневниковой прозе большое место уделяется и религиозной жизни аристократок — это чтения сутр при дворе, ритуальные действия, храмовые обряды, личные обращения к божествам, паломничество в отдаленные храмы, а порой и размышления о монашеском постриге. Между жанрами изящной литературы и популярными сборниками *сэцува* большая пропасть — уж слишком

¹ В.Н.Горегляд. Японская литература VIII-XVI вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С.190.

разные задачи ставили себе авторы. В первом случае это подробное, детализированное описание религиозного ритуала, описанного его участником, в случае же с *сэцува* – акцент сделан на достигнутых результатах, т.е. на действительности ритуала и молитв, выразившейся в милости или, напротив, в гневе божества. Если дневниковая проза была плодом творчества автора – женщин с разным мировоззрением, которое влияло на религиозный мир, отраженный в их литературном творчестве, то проза *сэцува* чаще всего была лишена авторства априори. Сборники *сэцува* – плод творчества умелых компиляторов, редакторов и хороших знатоков умонастроений своих современников. Ведь один и тот же «бродячий» сюжет мог войти в разные сборники, отредактированных в соответствии с нуждами конкретного временного отрезка или аудитории. Чаще всего в *сэцува* важен сам результат, но не описание ритуала: исполнились ли молитвы, было ли даровано спасение, а, если нет, то каково возмездие и как избежать наказания.

В *сэцува* представлены абсолютно все слои столичного и провинциального населения – высшие аристократы и придворные, ремесленники и торговцы, монахи и послушники, разбойники и воры, богачи и бедняки, отъявленные грешники и истово верующие. Интересно, как разные представители населения воспринимали буддийское вероучение: у каждого был свой путь – тернистый или легкий, но по законам жанра *сэцува*, спасение, милость божества или хотя бы надежду на

спасение получал каждый, никто не оставался вне защиты будд и бодхисаттв.

В статье мы рассмотрим духовный мир женщины эпохи Хэйан на примерах историй сборника «Удзи сюи моногатари» (яп. – 宇治拾遺物語、Рассказы, собранные в Удзи, XIII в.). Этот сборник один из самых поздних памятников жанра *сэцува*, в котором к тому времени произошло не только деление на две сюжетные линии: сугубо буддийскую и мирскую, но и смешение этих двух направлений. Исследуемый сборник как раз можно отнести к «смешанному» типу сборников прозы *сэцува* – мирские сюжеты в нем преобладают, а в буддийских историях отсутствует строгая дидактическая концовка, присущая ранним произведениям этого жанра. Все эти различия, с одной стороны, могут указывать на относительно успешное распространение буддизма в столичном округе и провинции, а с другой – на непростую ситуацию в японском обществе конца хэйанской эпохи, связанную с наступлением эпохи *матто*, Конца Закона, когда буддизм стал утрачивать свою мощь и влияние на народ, а от монаха было достаточно только того, что он добровольно принял постриг, не будучи при этом особо сведущ в вероучении.

Вероятно по этим причинам отпадала необходимость в устрашении верующих и новообращенных и утомительном описании картин буддийского ада и возмездия за грехопадения – миряне были в достаточной степени, хоть и поверхностно, осведомлены в основных

постулатах буддийского вероучения. Именно поэтому проза *сэцува* позднего времени перешла из разряда второстепенной буддийской литературы в разряд легкой назидательной, а то и развлекательной, авторами которой отныне становились придворные аристократы, а не только монахи, как это было поначалу.

В ранних памятниках *сэцува* можно чаще встретить истории с участием женщин, причем, женщина предстает читателю не в лучшем свете – она изначально является причиной человеческих несчастий, будучи виновной уже в том, что порождает жизнь, полную страданий. Более того, как считалось в раннем буддизме, она является помехой на пути к духовному самосовершенствованию мужчины, вызывая плотские желания и привязывая его крепче к мирской жизни, полной страданий. Женщина в буддизме – не только изначально негативный персонаж, обрекающий мужчин на страдания, мешающий монашескому подвигу, но и она сама обречена на муки тем, что буддизм ставит ее в жесткие рамки: сначала ей надо переродиться в облике мужчины, и только после этого она сможет рассчитывать на спасение и пребывание в раю. Не потому ли ранние сборники *сэцува* изобилуют историями о том, как монахи при виде красавицы теряли рассудок, а то и святость, как некий даосский небожитель, который свалился с облачка при виде обнаженных ног женщины? Монах мог влюбиться и в прекрасную статую бодхисаттвы Каннон, которая, как известно, в ряде стран почитается в женской ипостаси. Если в ранних сборниках *сэцува* женщина – источник зла,

то этот лейтмотив, в общем-то, отсутствует в поздних сборниках, равно, как и число историй о монахинях, которые в ранних *сэцува* пользуются всеобщим уважением.

В «Удзи сюи моногатари» есть небольшое количество историй о женщинах самых разных сословий и возраста, попавших в беду или испытывающих затруднения в жизни. Материал произведения показывает степень веры, отношение к обрядовой практике, пантеон популярных будд и бодхисаттв среди женского населения столицы. Истории исследуемого сборника относятся к разным годам хэйанской эпохи, когда женщина пользовалась стабильным положением в обществе, благодаря системе брака *цумадоу*, когда жена оставалась в собственном доме, принимая мужа у себя. Ее имущество всегда принадлежало только ей, женщина выступала наследницей для своих родителей и могла передавать свое имущество дочерям. Впрочем, отсутствие подобного резкого отношения женщины и ее осуждения можно объяснить всевозможными облегчениями монашеского устава и упрощением буддийской практики для мирян уже к концу эпохи Хэйан, что явилось отражением приближения беспокойной эпохи *матто*.

Безусловно, в данном небольшом исследовании важно и социальное происхождение героинь: легким отношением к буддизму отличаются дамы знатного происхождения, придворные фрейлины, которых волнует внешний вид монаха, а не его способности, как например, показано в рассказе «Про то, как почтенный

монах С̄оо отправился на небо Тушита и как он изгонял духа из императрицы Сомэдоно¹», где говорится об известном для своего времени монахе С̄оо, почитателе свирепого образа защитника буддизма Фудо-мёо. Как следует из рассказа, монах С̄оо славился мастерством экзорцизма. Как-то раз он был вызван ко двору к занемогшей императрице Сомэдоно. Его страшный вид вызвал переполох среди придворных – высокий ростом, он выглядел словно демон, да еще был одет в грубую робу и сандалии из кедрового дерева. Кто-то шепнул императрице, что монаху не стоит доверять – похоже, что он самого низкого сословия. Именно поэтому С̄оо приказали оставаться на веранде и проводить ритуал оттуда. Монах остался на веранде, некоторое время прислушивался к неистовым крикам больной, а потом начал читать сутры. От его громогласного чтения у присутствующих пошли мурашки по коже – он казался воплощением самого Фудо-мёо! Через некоторое время завернутая в несколько пурпурных платыв императрица Сомэдоно выпрыгнула в окно, словно мячик и опустилась наземь перед монахом. Придворные заохали, требуя, чтобы монах поскорее внес больную в покои и там продолжил

¹ Удзи сюи моногатари 宇治拾遺物語 (Рассказы, собранные [в] Удзи) / Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко котю, яку 小林保治 増子和子 校注・訳 (Коммент. [и] пер. [со старояп.] Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 1996 (Синхэн Нихон котэн бунгаку дзэнсю 新編日本古典文学全集 (Вновь составленное полное собрание классической литературы Японии). Т.50). С.474-477.

ритуал, однако тот обиженно отказался, ссылаясь на свое низкое происхождение. Тогда он заставил тело больной подняться на довольно большую высоту и уложил ее на веранду. Раз пять С̄оо швырял больную наземь, потом читая нараспев заклинания заставил тело залететь обратно в покои. С̄оо засобирался назад, отказываясь от различных предложений свиты, жалуясь на боль в спине от долгого стояния на ногах. Уже в покоях императрица поняла, что злой дух ее покинул, и она чувствует себя гораздо лучше. Однако монах С̄оо так и не смог простить такого к себе отношения – отказался как от предложенного ему титула Помощника верховного жреца, так и от дальнейших приглашений ко двору. Судя по данному рассказу, монах объяснял свое нежелание общаться со столичными жителями так: «Столица делает людей подлыми».

Такое недоверчивое отношение к столь талантливому монаху-экзорцисту со стороны занемогшей императрицы и ее фрейлин напоминает известный пассаж из «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон (дан 33) об идеальном монахе: «Проповедник должен быть благообразен лицом. Когда глядишь на него, не отводя глаз, лучше постигаешь святость поучения. (..) Уродливый вероучитель, думается мне, вводит нас в грех»¹. Встреченный поначалу «по одежке» монах, продемонстрировал присутствующим действенность буддийского ритуала, как и

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / Пер. со старояп. В.Марковой. М.: Художественная литература, 1988. С.54.

силу буддийского вероучения вообще. И вновь у Сэй-Сёнагон (дан 12) мы встречаем такую зарисовку: придворные, рассматривая огромный дуб, шутят, что из него выйдет отличное опахало для настоятеля храма Дзётё, который по описанию писательницы «выглядел устрашающей громадиной»¹.

Другая история в «Удзи сюи моногатари» «Про то, как Косикибу-но найси восхищалась умением Садаёри нараспев читать сутры» также повествует о придворной даме, склонной к чрезмерной эстетизации элементов буддийской обрядности, как напевное чтение сутр. Дело обстояло следующим образом: фрейлина, принимавшая в своих покоях самого регента Фудзивара-но Митинага, некоторое время назад возлежала с тюнагоном Садаёри, который никак не хотел покидать окрестности дома возлюбленной и, внезапно, принялся было нараспев читать сутру. По всей видимости, делал он это так мастерски, что дама даже повернулась спиной к возлежащему с ней Митинага и издала громкий вздох, пребывая в восхищении от чтения нараспев сутры, чем опозорила регента².

¹ Там же. С.37.

² Удзи сюи моногатари 宇治拾遺物語 (Рассказы, собранные [в] Удзи) / Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко котю, яку 小林保治 増子和子 校注・訳 (Коммент. [и] пер. [со старояп.] Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 1996 (Синхэн Нихон котэн бунгаку дзэнсю 新編日本古典文学全集 (Вновь составленное полное собрание классической литературы Японии). Т.50). С.109.

Это малое число историй *сэцува* о восприятии элементов вероучения аристократками, вполне вероятно, свидетельствует о действительной картине того времени – недоверчивому отношению к монахам и бродячим проповедникам, восприятию не смысловой, а эстетической стороны буддизма. Всё это может свидетельствовать о довольно зыбком положении нового вероучения среди японского населения, его малой осведомленности в обрядово-ритуальной практике, а, поскольку речь идет о женщинах благородного происхождения, обладающих к тому же определенной финансовой независимостью, то и о свойственной хэйанской эпохе эстетизации всего окружающего, детализированного описания происходящего. В.Н.Горегляд на основе целого пласта женской дневниковой литературы выделил три основных типа отношения к буддийскому церемониалу: 1) зрительское отношение сродни развлекательному, любопытному действию, зрелищу; 2) отношение к ритуалу, службе как к средству достижения личного блага: материального, карьерного, личного, исцеляющего болезни и т.п.; 3) глубокое и искреннее отношение к ритуалу, какое обычно присуще истово верующим¹.

Истории об аристократках в сборнике «Удзи сюи моногатари» удивительным образом перекликаются с восприятием буддизма самого автора «Записок у изголовья»: монах для нее объект подозрений, насмешек,

¹ В.Н.Горегляд. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. М.: Наука, 1975. С.194.

недовольства или «того, что претенциозно-пошло». Как пишет В.Н.Горегляд, напускная святость монахов вызывает у нее сомнение, к ним Сэй-Сёнагон относится, как к чиновникам, а содержание проповеди у нее не вяжется с добродетельностью монаха¹.

Тем не менее, в отдельный пласт рассказов можно выделить истории «Удзи сюи моногатари» об одиноких, осиротевших людях, но, в первую очередь, о молодых, небогатых женщинах, которые обретают поддержку в лице чудотворных статуй бодхисаттвы Каннон.

В эпоху Хэйан самым популярным представителем буддийского пантеона продолжал оставаться бодхисаттва Каннон. Каннон – (*санскр.* – Авалокитешвара; *кит.* – Гуаньинь) – пожалуй, самый главный и авторитетный бодхисаттва буддизма Махаяны, обладающий титулами «Всевидящий», «Внимающий звукам мира». Этот бодхисаттва, образ которого со временем трансформировался в женский, дал обет в любом облике спасать всех живых существ, попавших в беду и воззавших к бодхисаттве с призывом помощи. В «Лotosовой сутре» Глава XXV посвящена бодхисаттве Внимающему звукам мира, в которой содержится такой пассаж: «Если какой-нибудь [другой] человек воспримет и станет хранить [в памяти] имя бодхисаттвы Внимающего Звукам Мира или хотя бы один раз окажет [ему] почести и сделает подношение, то счастье, [обретенное] этими двумя,

¹ Там же. С.186.

будет одинаковым, а не разным, и [его] невозможно будет исчерпать в течение сотен, тысяч, десятков тысяч, миллионов кальп»¹.

Особенной чудодейственной силой были наделены статуи, размещенные в храмах Киёмидзу и Хасэдэра, хотя большой популярностью в народе пользовалось вырезание статуй и для личного алтаря. Так, усердная молитва осиротевшей бедной девушки перед самодельной статуей бодхисаттвы, установленной за жилищем, была услышана, благодаря чему сама Каннон послала девице достойного жениха («Про то, как девице из Цуруга, что в Этидзэн, помогла Каннон»²); царица государства Пэкче («Про королеву государства Пэкче и золоченую скамеечку для ног»³) была наказана своим мужем за измену – ее подвесили под потолком за собственную косу так, что ноги не касались земли. Испытывая страшные муки, она вспомнила рассказы людей о чудотворной статуе Каннон из храма Хасэдэра в далекой Японии, и

¹ Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Перевод с кит. А.Н.Игнатовича. М.: Ладомир, 1998. С.283.

² Удзи сюи моногатари 宇治拾遺物語 (Рассказы, собранные [в] Удзи) / Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко котю, яку 小林保治 増子和子 校注・訳 (Коммент. [и] пер. [со старояп.] Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 1996 (Синхэн Нихон котэн бунгаку дзэнсю 新編日本古典文学全集 (Вновь составленное полное собрание классической литературы Японии). Т. 50). - С. 279-288.

³ Там же. С. 438-439.

мысленно стала обращаться к ней. Каннон проявила свое милосердие – она подставила под ноги бедняжки невидимый золотой стульчик, чем облегчила ее участь. Более того – царица чудесным образом была помилована и в благодарность за исполненные молитвы она отправилась со свитой в Японию, где сделала богатые подношения храму Хасэдэра. Весьма поучительна история «Про то, как в храме Киёмидзу женщина получила в дар полотно на балдахин» (Св.11, р.7/131). Рассказ приводится в переводе автора данной статьи, публикуется впервые.

«Давным-давно жила одна бедная женщина, которая часто проводила свои дни в храме Киёмидзу в усердной молитве. Шли годы, а она не смела испросить и капельки благодати, несмотря на то, что неизбежно приближалась к порогу нищеты, а вскоре лишилась и дома, в котором провела всю свою жизнь. Суровые обстоятельства вынудили ее бродяжничать, и бедняжке ничего не оставалось, кроме как в слезах обратиться к бодхисаттве Каннон. «Возможно, я так страдаю из-за своей несчастливой кармы, но молю тебя, Каннон, хотя бы немного обрати и на меня свой взор!» – настойчиво молилась женщина, простершись ниц перед Каннон, да так и заснула. Во сне же чей-то голос ей говорил: «За то, что лежала ниц предо мной и твои усердные молитвы, хотелось бы тебя выручить, так как жаль тебя очень, да разве хватит тебе моя малая помощь? Однако будет тебе в утешение вот это – прими-ка!». Утешением Каннон оказалась ткань для балдахина – грубое полотно, разложенное в большом количестве тут и там. Пробудившись, женщина при свете фонаря заметила перед собой ту самую ткань на балдахин – точь-в-точь как из ее сна! «Неужели больше ничего не нашлось для моего утешения!» - подумала бедняжка, осознавая всю грусть своего бедственного положения. «Вряд ли я приму такой дар – если бы я проявила боль-

шее почтение, то смогла бы сшить балдахин из шелка для жертвования храму! Но уж точно я не собираюсь довольствоваться одним полотном! Буду просить еще усерднее!» – заявила она и запрятала ткань глубже под скамью.

В очередной раз снится женщине, как Каннон ей говорит: «Отчего ты проявляешь такую дерзость? Зачем же возвращать дар, вместо того, чтобы попросту его принять?! Это очень странный поступок!» – затем же вновь протянула ей подарок. Как и в прошлый раз, пробудившись, женщина увидела перед собой все те же свертки полотна. С досады она горько разрыдалась, однако продолжала упрямо молиться бодхисаттве.

Три раза кряду она упрашивала Каннон о более щедрых дарах, но свертки с полотнами никак не желали превращаться в шелковую ткань. В конце концов, женщина поняла, что просить Каннон еще раз будет непочтительным поступком. К тому же опасаясь, как бы ни о чем не ведавший настоятель храма ничего не заподозрил по поводу растущих на глазах запасов полотна, поздней ночью она запихала все дары себе за пазуху и выбежала прочь.

«На что бы мне сгодилось это полотно?» – так думала женщина, разглядывая ткань, да оглядев себя хорошенечко, поняла, что одежда ее давно превратилась в лохмотья, поэтому решила пошить себе обнову. Вот исполнила она задуманное – стала щеголять в новеньком, да только теперь всем вокруг – и мужчинам, и женщинам, бедняжка стала казаться чрезвычайно милой и беззащитной. С тех пор она стала получать многочисленные дары от совершенно посторонних людей. Более того – стоило ей надеть платье из чудесной материи и оказаться в нем на самых тяжелых судебных разбирательствах неизвестных ей людей, как ей удавалось попасть на аудиенцию к незнакомым ей высшим сановникам и обратить дело подсудимого в наилучшую сторону.

Помогая и другим, она получала благодарственные подношения от посторонних людей, кроме того, она стала женой достойного господина и с тех пор зажила в достатке и благополучии.

Зная о чудесной силе своих одежд, женщина доставала их исключительно в самые ответственные моменты ее жизни. Стоило ей их надеть, как задуманное непременно осуществлялось».

Немаловажным условием в буддизме, относящимся к женщинам, было спасение лишь в мужском облике. Для того, чтобы женщина сумела переродиться в благостном, т.е. человеческом облике, а не в виде животного или гнусного создания, за нее следовало долго и тщательно молиться, делать храмовые приношения и раздавать милостыню. Благостным обликом, позволяющим такому грешному созданию как женщина получить шанс на повторное рождение, считалось только мужское. Всего один рассказ «Чудо, сотворенное святым отшельником» в виде реминисценции на известный сюжет из мирской жизни бодхисаттвы Кшитигарбхи (*яп.* — 地藏、Дзидзо), повествует об отшельнике, молящемся три года без сна и пищи подле гроба с останками его матери. Молитвы, обращенные к Тысячерукой Каннон, были услышаны: «В тот год, весной, во сне ли, наяву ли, неясно услышал он голос матери: «Поскольку и днем, и ночью творил ты молитву Тысячерукой Каннон, то вскоре переродилась я в юношу и возродилась на небесах. Но, хоть я и собиралась сообщить о том, что стала такой же, как Будда — до сих пор не давала о том знать. Теперь же извещаю тебя о том!»

Услышав это, так он молвил: «Так я и думал! Видимо теперь изволила она стать Благоуханным!¹» – вынул останки из гроба, сжег там же, собрал кости и предал земле, а сверху возложил каменное надгробие².

Почему женщина в буддийской картине мира не могла рассчитывать на лучший удел? Еще китайский монах Дōсэн (*кит.* – Дао Хуань), плодотворно трудившийся на ниве распространения буддизма школы Кэгон в Японии, перечислял семь пороков женщины: 1) они пробуждают влечение у мужчин, 2) они ревнивы, 3) они не умеют сочувствовать, 4) они заботятся лишь о своей внешности, 5) они обманчивы, 6) они бесстыдны, 7) их тела всегда нечисты из-за частого менструального цикла. Видя, что и беременность, и роды являются скверными, а послед нечистым, злые демоны соперничают за обладание ею, в то время как добрые божества отворачиваются от нее³.

¹ Благоуханный – один из эпитетов Будды.

² Удзи сюи моногатари 宇治拾遺物語 (Рассказы, собранные [в] Удзи) / Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко котю, яку 小林保治 増子和子 校注・訳 (Коммент. [и] пер. [со старояп.] Кобаяси Кадзухару, Масуко Кадзуко). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 1996 (Синхэн Нихон котэн бунгаку дзэнсю 新編日本古典文学全集 (Вновь составленное полное собрание классической литературы Японии). Т.50). С.64-65.

³ URL: http://www.westernbuddhistreview.com/vol4/mirror_for_women.html
Статья: Dharmacari Jnanavira. A Mirror for Women? Reflections of the Feminine in Japanese Buddhism. Дата обращения 10.08.2014.

Безусловно, последний «порок» на самом деле таковым не являлся, исходя из биологической функции женщины, которая неизбежна и регулярна, как и вполне естественные кровотечения во время родов. И, тем не менее, в Китае, приблизительно на стыке XII-XIII веков, появляется «Сутра Кровавой чаши» (яп. – 血盆經, *Кэцубонкэ*), в которой описаны причины попадания женщин в ад и их муки. В сутре дается такое разъяснение прямого попадания в ад абсолютно всех женщин: помимо уже упомянутых женских пороков, в числе которых даже естественные биологические функции, женщина грешит и тем, что своими выделениями во время деторождения оскверняет землю и воду. Это значит, что оскверняя землю своей кровью, она оскверняет и гневит богов-ками земли, а омывая себя или свои загрязненные одежды, она намеренно портит воду, которая подается для омовения и питья священнослужителям. Таким образом, в японской трактовке сутры, женщина оскорбляет и синтоистских *ками*, и оскверняет воду буддийским монахам. Получается, что женщина неизбежно попадает в ад, причем ей уготовано особое место – Ад Кровавая чаша¹. Судя по свитку *Кэцубон-кэ энги эмаки*, Свиток, повествующий об Аде Кровавая чаша, множество женщин находятся в кровавом озере, некоторых из них демоны-служители ада ударами дубин-

¹ Подробнее см.: ТАКЕМИ Momoko. “Menstruation Sutra” Belief in Japan // Japanese Journal of Religious Studies 10/2-3, 1983. P.229-246.

кой по голове заставляют пить эту кровь, некоторые же в ужасе ждут своей очереди на берегу этого озера¹.

Трудно предположить точное время знакомства японцев с этой сутрой. В прозе *сэцува*, как и в женской дневниковой прозе эпохи Хэйан, эта сутра ни разу не упоминается, а, если учесть тот немаловажный факт, что жанр *сэцува* прекратил свое существование уже к концу XIII века, вполне возможно, что время хождения и популяризации «Сутры Кровавой чаши» пришлось на более поздний период – XIV-XV века.

И, тем не менее, сам факт появления и существования такой сутры может лучше объяснить сюжеты в «Удзи сюи моногатари», связанные с попаданием в ад женщины, умершей родами, которая мучается в аду и требует вызвать к себе мужа, чтобы и тот разделил с ней эту участь, а также историю про мать отшельника, которая после смерти попала в низший ад, но благодаря пятилетней непрерывной молитве сына бодхисаттве Каннон, сумела переродиться женщиной и только так попасть в Западный рай будды Амиды.

В случае первой истории в качестве спасения жены и избегания преждевременной смерти, мужу был предложен компромисс – переписать сутру, что он и сделал, облегчив страдания жены. В качестве доброго советчика в этой истории выступает царь загробного мира Эмма.

¹ URL: <http://faculty.humanities.uci.edu/sbklein/images/GHOSTS/hungryghosts/pages/hellbloodpool.htm> Дата обращения 17.09.2014.

Любопытно, что в этом рассказе, который на самом деле был заимствован составителями «Удзи сюи моногатари» из раннего сборника «Нихон рёики», впервые дается информация о том, что в Японии царя Эмма зовут бодхисаттвой Дзидзо. Таким образом, прослеживается не только путь этого бодхисаттвы в Японии, но, благодаря появлению в более поздний период «Сутры Кровавой чаши», можно предположить ту трансформацию образа Дзидзо, которая произошла в более позднее время, когда его стали считать заступником женщин, рожениц и детей-жертв аборта, если учесть функцию Дзидзо как спасителя узников ада.

Однако, судя по материалу исследуемого памятника *сэцува* нам очевидно лишь то, что: 1) женщина неизбежно попадала в ад; 2) причины попадания в ад не всегда обоснованы; 3) для преуменьшения ее мук достаточно было переписать сутру, но для ее перерождения в облике мужчины – непрерывно творить молитву, живя при этом в чистоте, как монах.

Во всех остальных случаях, показанных в нашем источнике, к женщинам при их жизни, особенно обделенным и одиноким, чрезвычайно благосклонен Всемилостивый бодхисаттва Каннон, который, как известно по Главе XXV Сутры Лотоса внемлет мольбам абсолютно всех живых существ без исключения.

Таким образом, получается, что при жизни женщина могла рассчитывать на помощь высших сил, посещать монастыри во время особых молитвенных чтений, совер-

шать паломничество, присутствовать при разъяснительных чтениях сутр, вызывать монахов-лекарей во время недугов. В целом, женщина, особенно хэйанская знатная дама, в своих правах не была особо ущемлена и, судя по многочисленным дневникам и даже поздним *сэцува*, жила довольно полной жизнью. К сожалению, материал «Удзи сюи моногатари» не показывает нам женщин, размышляющих о своей участи после смерти. Если многие придворные дамы-писательницы и рассуждали об уходе в монастырь на страницах своих дневников и, часто, так и поступали, но только потому, что оставались без покровителя, лишались придворной службы вследствие интриг. Героини же историй «Удзи сюи моногатари» о таком шаге и не помышляли, за исключением дамы, случайно при возлюбленном, испортившей воздух. Она удалилась в монастырь лишь потому, что не была в силах снести такого позора.

Судя по материалу исследуемого источника и некоторых наиболее ярких образцов женской дневниковой прозы, можно сделать вывод, что в эпоху Хэйан образованная женщина при своей жизни по мере своих сил вовлечена в процесс усвоения новой буддийской веры: она знает содержание основных сутр, узнает отрывки из них и восхищается умелым чтением отдельных пассажей; осведомлена в пантеоне будд и бодхисаттв, выделяя при этом бодхисаттву Каннон и будду Амиду как основных божеств; некоторые женщины свято чтут бодхисаттву Каннон, молятся перед его чудотворной статуей в храме Хасэдэра или устанавливают небольшие деревян-

ные статуи в алтаре при собственном доме. Судя по всему, настолько частые упоминания покровительства Каннон могут быть связаны с женской ипостасью этого бодхисаттвы и универсальностью данных им обетов.

И все же, роль женщине в хэйанском буддизме еще не уделяется достаточно внимания, как это случится уже в эпоху Камакура, когда создается труд «Зерцало жён» (яп. – 妻鏡、*Цума кагами*, 1300 г.) авторства дзэнского монаха Мудзю Итиэн, автора сборника сэцува «Собрание песка и камней» (яп. – 沙石集、*Сясэкисю*, XIII в.). На участь женщины обращают более пристальное внимание, что влечет за собой возрождение женских монашеских общин, ослабленных в пору смуты¹.

«Сутра кровавой чаши» в последующие века также получила большое хождение в народе: в эпоху Эдо возникает культ этой сутры, предписывающий ее копирование ради спасения женщин, ношение амулетов с отрывками из ее текста, не говоря уже об огромной народной популярности бодхисаттвы Дзидзо в образе заступника женщин и детей, томящихся в аду

¹ URL:<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:pN6uS6wkqN8J:trubnikovann.narod.ru/Tsuma.htm+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>
Мудзю Итиэн. Зерцало жён / Введение, пер. со старояп. и коммент. Н.Н.Трубниковой. Дата обращения 17.09.2014.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Рыбин В.В. , Востфак СПбГУ Памяти Евгении Михайловны ПИНУС (к 100-летию со дня рождения учителя)	3
Самойлов Н.А. , Востфак СПбГУ Японоведение и комплексное изучение Восточной Азии	9

ЯПОНИЯ:

ПРИРОДА, ВРЕМЯ, МЕНТАЛИТЕТ

Кагальникова А.В. , СПбГУ Влияние природных условий Японского архипелага на культуру его народа	17
Горелова Н.Е. , МГИМО Ретроспективный взгляд на время в мироощущении японцев	23
Мотрохов А.И. , ХНУ им. В.Н.Каразина О вере в магическую силу слова в древней японской поэзии (на примере песен «Манъёсю»)	32
Гуревич Т.М. , МГИМО Особенности японского юмора и смеха	42
荒川好子=АРАКАВА Ёсико , Востфак СПбГУ [на японском языке] 2011年、震災後に求められたポピュラーソングの歌詞分析 = Анализ текста японских песен, которые были популярны после землетрясения 2011	53

РЕЛИГИИ ЯПОНИИ:

СИНКРЕТИЗМ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ?

Долгова Е.А. , МГИМО Представления о причинности в даосизме и буддизме	69
Кикнадзе Диана , ИВР РАН Буддизм глазами женщин (По материалам сборника сэцува «Удзи сюи моногатари», XIII в.)	84
Кужель Ю.Л. , МГИИТ им. Ю.А.Сенкевича Женские образы в буддийской иконографии	104
Дулина А.М. , ИСАА МГУ Интерпретация древнего японского мифа в памятнике нач. XIV в. «Хатиман гудōкин» («Наставление глупым детям о Хатиман»)	141

ЯПОНСКАЯ ИСТОРИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ И ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ

- Климов В.Ю.**, ИВР РАН
Переход к политике самоизоляции в конце XVI - начале XVII вв.
(по указам правителей Японии) **152**
- Маранджян К.Г.**, ИВР РАН
Из истории японского конфуцианства: Кайбара Эккэн (1630-1714) **164**
- Филиппов А.В.**, Востфак СПбГУ
Лидер и его команда (Токугава Цунаёси, Токугава Ёсимунэ, Мацудайра Саданобу): сменность элиты в Японии XVII-XVIII в. **181**
- Щепкин В.В.**, ИВР РАН
Восстание айнов 1789 г. и реакция Мацудайра Саданобу **194**
- Толстогузов С.А.**, Хиросимский университет
Реформы годов Тэмпō – реформы или антикризисная политика? **220**

ЯПОНИЯ И РОССИЯ: СБЛИЖЕНИЕ – КОНФРОНТАЦИЯ – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

- Рыбин В.В.**, Востфак СПбГУ
Важны ли нюансы в исторических описаниях или где же был подписан японо-русский договор 1855 года («Симодский трактат»)? **236**
- Климов А.В.**, Востфак СПбГУ
Переговоры по пограничному вопросу с Японским посольством 1867 г. **241**
- ТЭРАМОТО Ясутоси**, Хиросимский университет
Японская дипломатия накануне и после русско-японской войны – поворотный пункт на пути к Тихоокеанской войне **246**
- Османов Е.М.**, Востфак СПбГУ
Взлет и крах российско-японских отношений (1906-1917 гг.) **281**

НОВЕЙШАЯ ЯПОНИЯ: ТРАДИЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ПУТИ К ПОНИМАНИЮ

- Бреславец Т.И.**, ДВФУ
Женские судьбы в произведениях Соно Аяко **302**
- Хронопуло Л.Ю.**, Востфак СПбГУ
Некоторые аспекты изучения современного эпистолярного текста в трудах японских исследователей: подходы, тенденции и перспективы **319**
- Татаренко Ф.Т.**, Востфак СПбГУ
Роль современных информационно-коммуникативных технологий в проведении политических кампаний в Японии **336**
- Исса Н.Х.**, Востфак СПбГУ
Оригами на мечи и экспертный дом Хонъями **359**
- Ибрахим И.С.**, Востфак СПбГУ
Преподавание аспекта «чтение прессы» как один из этапов подготовки устных переводчиков **368**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ (культурные традиции в меняющемся социуме):

Материалы российских и зарубежных исследователей,
представленные в рамках мероприятий, посвящённых 100-летию
со дня рождения Е.М.Пинус

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: А.В.Филиппов

Подписано в печать 05.11.2014 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,9. Тираж 100 экз.
Заказ № 3609

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»,
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел. 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>

**ЯПОНИЯ: культурные традиции
в меняющемся социуме**

**«Issues Of Japanology» №5
к 100-летию Е.М.Пинус (1914-1984)**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japalogy = Вопросы японоведения» №5

**ЯПОНИЯ:
культурные традиции
в меняющемся социуме**

к 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус
(1914-1984)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014